

В 1872 г. в «Вестнике Европы» была напечатана работа Константина Дмитриевича Кавелина «Задачи психологии». Вокруг нее разгорелись жесточайшие споры. Год спустя в том же «Вестнике Европы» была опубликована знаменитая статья Ивана Михайловича Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию?», явившаяся ответом на критические замечания в адрес материалистической психологии, высказанные Кавелиным. Оцененные как идеалистические, идеи Кавелина были изъяты из нашего психологического наследия, и лишь недавно стал возможным их беспристрастный анализ. А он показывает, что идеи Кавелина о самодетерминации психических явлений, о том, что человек не отражает, а конструирует реальность, о том, что необходим междисциплинарный подход к изучению психики (такой подход П. Л. Лавров, критикуя направленность Кавелина на сочетание самых различных идей, назвал «экзотическим кентавром») в целом соответствуют господствующим в современной психологии взглядам (другое дело, правильны ли они). Да и сам пресловутый «идеализм» Кавелина оказывается, конечно, дуализмом, ведь наряду с психической реальностью, душой, он признает и мир реальный, природу. Мы совершим серьезную ошибку, если скажем, что современная нейрофизиология опровергает дуализм души и тела. Кавелин прекрасно понимает, что психическая жизнь возможна только при определенном состоянии мозга, но это ни в коей мере не доказывает, что сама эта жизнь является физической. Многие современные ученые всерьез принимают реальность ментального мира, например, как указывает Стивен Прист, всемирно известный лауреат Нобелевской премии нейробиолог Джон Экклз.

Ниже вашему вниманию предлагается вторая глава из книги К. Д. Кавелина «Задачи психологии», в которой автор, по существу, излагает те методологические основы, на которых он пытается построить психологическую науку, сочетав в гармонии естественно-научный и гуманитарный подходы.

А. А. Фёдоров

УДК 159.9.01

К. Д. Кавелин

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО НАЧАЛА ¹

Предмет психологии. – Трудность разграничить психические явления от материальных. – Глубокие внутренние противоречия в человеке. – Из них происходят монизм и дуализм. – Идеализм и материализм представляют попытки объяснить все явления из одного начала. – Безуспешность этих попыток. – Оба направления – запоздалые остатки схоластики. – Взгляды и доводы материализма не выдерживают критики. – Необходимость признать существование особого самостоятельного и самодеятельно психического начала.

Каждая положительная наука имеет свой, точно определенный круг исследования. Для психологии это предстоит еще сделать.

По названию, психология есть наука о душе, ее свойствах и проявлениях. Но душа тесно связана с телом, и разграничить факты

психические от материальных чрезвычайно трудно. Оттого в психологии смешиваются разнородные явления, и она колеблется между философией и физиологией, примыкая то к той, то к другой, смотря по эпохе и господствующим воззрениям.

¹ Кавелин К. Д. Задачи психологии // Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1899. Т. 3. С. 388–421.

Общее сознание относит к числу физических, материальных предметов и явлений те, которые существуют или совершаются вне нас и подлежат внешним чувствам. Так как человек отличает себя от своего тела, то и оно, со всеми его явлениями, относится к тому же разряду внешних фактов; наоборот, явления и предметы, которые недоступны внешним чувствам, но совершаются или существуют в нашей душе и представляются только нашему сознанию, приписываются душе и считаются внутренними, духовными. Таковы наши мысли, убеждения, чувства, страсти, желания, намерения, цели, вообще все наши, доступные одному сознанию, внутренние состояния и движения. Они-то и должны быть исследованы в психологии.

Но разграничить внешние факты от внутренних так же трудно, как духовные от материальных.

Во-первых, бесчисленные наблюдения, известные всем и каждому, отчасти по собственному опыту, показывают, что нашим внешним чувствам представляются, порой очень отчетливо и живо, внешние, реальные предметы и явления, когда, однако, в действительности их налицо нет. Таковы видения и галлюцинации. И наоборот: предметы нравственные, духовные, которые мы считаем доступными только для нашего сознания, как будто способны выступать наружу, переходить на внешние предметы, получать как бы внешнее существование. В этом виде они точно будто подлежат внешним чувствам. Так, наружный вид человека, его движения, мимика, голос и манера говорить – все это обнаруживает его внутренние состояния. Точно так же они обнаруживаются и в созданиях человека. Не только письма и условные знаки, не только произведения искусства, науки, но вообще все, что создает человек, начиная от обуви и приготовленной пищи и оканчивая железными дорогами и телеграфами, служит как бы материальным воплощением его чувств, мыслей и воли.

Далее: к какому разряду отнести множество разнообразнейших физических ощущений? Они не подлежат внешним чувствам, доступны одному сознанию, и потому их надо бы причислить к разряду внутренних, духовных, нравственных; но это невозможно, потому что они идут от нашего тела, которое мы отличаем от себя как нечто внешнее и которое подлежит внешним чувствам.

Наконец, когда мы что-нибудь видим или слышим, вообще когда мы получаем впечатление от внешних предметов и явлений через так называемые органы внешних чувств – зрение, слух, вкус, обоняние или осязание, – нам кажется, будто мы только принимаем в себя нечто, привходящее к нам извне, как кладем в рот пищу; на самом же деле, это происходит совсем иначе: мы не переносим в себя предметы или явления, которые видим или осязаем, в нас остается от них только впечатление, а впечатление зависит не от одного предмета или явления, которое его производит, но столько же и от среды, на которую предмет или явление действует, которая получает впечатление. Подойдите к деревянному дому: на нем вы себя не увидите, а в зеркале увидите; взгляните в воду: она или отчетливо отразит ваше лицо, если совершенно спокойна, или отразит, но в искаженном виде, если колеблется; а если сильно взволнована, то не отразит вовсе. Каждое впечатление есть сложный продукт двух факторов: предмета или явления, производящих впечатление, и среды, которая его принимает, и мы ошибаемся, думая, будто получаем чистое, беспримесное отражение самого предмета в нашей душе, каков он есть в реальной действительности, сам по себе. Но отсюда следует, что мы имеем дело собственно не с внешними предметами и явлениями, а с впечатлениями, которые они в нас производят, не с реальным, внешним физическим миром, а с внутренними, психическими фактами, которые сознаем и которые внешним чувствам недоступны. Впечатления как бы стоят между нами и внешним миром и разделяют его от нас непроницаемой стеной. Из этого нельзя выводить, что внешнего мира вовсе не существует, или что наше знание о нем есть мечта и призрак; ниже мы рассмотрим такие выводы и покажем, почему они ошибочны; но во всяком случае, то, что нам кажется внешним, на самом деле оказывается внутренним и не подлежит внешним чувствам.

Что же такое, после сказанного, те воплощения мыслей, чувств, внутренних движений человека во внешних предметах, о которых упомянуто выше? Они столько же, как и всякая другая вещь, производят в нас впечатления, а мы уже видели, что впечатления – явления внутренние, психические. Создания человека во внешнем мире суть или символы, условные знаки психических предметов

и явлений (письмена, ноты, телеграфические знаки и т. д.), или такие сочетания материальных предметов и явлений, которые производят в нас желаемое внешнее впечатление (картины, статуи, рисунки и т. д.), или, наконец, они производят во внешнем, физическом мире желаемые явления (машины, постройки и т. д.). Выражение: воплощение мыслей, чувств во внешнем мире – оказывается на поверку очень неточным, метафорическим, и только дает нам ошибочное представление. Мысль, чувство, желание не переходят вовсе во внешний мир и остаются при нас; только внешние предметы и явления располагаются так, что удовлетворяют потребности человека возбудить мысль, чувство или произвести во внешнем мире явление, почему-либо нужное для одного или многих лиц.

Следовательно, мы имеем непосредственно дело только с предметами и явлениями психического свойства, внутренними, доступными одному сознанию. Душа в действительности гораздо более сосредоточена в себе и отделена от внешнего мира, чем мы думаем; она не имеет к окружающему прямого, непосредственного отношения, а соотносится с ним через посредство тех впечатлений, которые от него получает, насколько способна их получать, и такими впечатлениями возбуждается к собственной деятельности. Этим объясняется множество явлений, между прочим, то, почему человек с таким невероятным трудом и усилиями доходит до положительного знания окружающего мира и беспрестанно, сам того не сознавая, приписывает ему свои понятия, мысли, чувства, намерения и цели.

Вот поправка, которую необходимо сделать в обыденных представлениях людей об отношении души к физическому миру, – фактов психических, внутренних, к фактам материальным, внешним. Внешние впечатления и физические ощущения составляют границу между психическим и внешним миром, а вместе с тем и отделяют ясно обозначенным рубежом психологию от всех прочих отраслей знания. Служа единственными представителями внешнего мира, по которым люди составляют себе о нем представления и понятия, впечатления и ощущения обозначают и предел, за которым начинается индивидуальная психическая жизнь. Поэтому они для нас, в одно и то же время, и внешняя объек-

тивная действительность, и необходимая составная часть психического мира. Психическая индивидуальная жизнь и деятельность, ее явления и законы, а вместе и впечатления, и физические ощущения, насколько они в нее входят, исследуются в психологии; но как внешняя, объективная действительность они составляют предмет изучения прочих отраслей положительного знания и науки.

Впечатления и физические ощущения, по этому своему двойственному характеру, вносят глубокое противоречие в психическую жизнь. Человек различает их в самом себе от других психических явлений и фактов. Последние кажутся ему принадлежностью его духовной природы, тогда как впечатления и физические ощущения, извне входящие в душу или возбуждаемые в ней, представляются ему чем-то внешним и чуждым. Из этого внутреннего противоречия он никак не может выбраться, и носит его с собой постоянно и всюду. Он считает себя единым, цельным, и в то же время отличает себя от своего тела. Внешние впечатления и прочие психические явления действуют на него одинаково, а между тем они противоположны между собою и потому тянут его в разные стороны. Он имеет власть над собой, над своими мыслями, чувствами, действиями и над тем, что кажется ему внешним миром, в том числе и над своим телом; но в то же время он сознает, что они действуют непреложно, роковым образом, независимо от него, и что он, напротив, кругом в зависимости от них.

Люди давно уже заметили в себе эти противоречия и с тех пор, что род человеческий себя помнит, стараются разрешить и объяснить их. История верований и философских воззрений представляет ряд последовательных попыток такого рода. Их неудовлетворительность или недостаточность были неизменным, неиссякаемым источником новой деятельности, новых исканий, а вместе с тем и главным двигателем постепенных успехов положительного знания.

Наше время особенно благоприятно для строго научной разработки вопросов и задач, представляемых психической жизнью. Материал, накопленный наблюдениями и опытами, громаден; критические приемы и метод исследований доведены до невиданного совершенства; насущные потребности эпохи, как мы видели, снова ставят психологию на первый план. Но несмотря на все это, поло-

жительное исследование психической жизни и ее явлений медленно и туго подвигается вперед. Психология и теперь еще есть и сборное место самых невероятных гипотез, самых произвольных построений. Изгнанные из прочих отраслей знания, они приютились здесь, под покровом приемов и методов, от которых положительная наука давно отказалась за их совершенную негодность. Можно сказать без преувеличения, что психология теперь из всех отраслей знания самая темная и заброшенная. Она завалена сором и хламом, выметенным из других наук. Чтобы она могла стать положительной наукой, надо сперва высвободить психические факты из-под толстой наплывной коры, которая мешает их разглядеть как следует.

Мы видели, что человек есть живое, воплощенное противоречие. Он в одно и то же время сознает и чувствует и свое различие с своим телом и окружающей средой, и свое единство с ними; господство свое над своим телом и внешней природой и свою зависимость от них; свою свободу и власть над собою роковой необходимости. Колеблемый сомнениями, мучимый противоречиями, человек то признает в себе двойственную природу, то, уступая непобедимому требованию единства, которое в нем так же сильно, как и сознание двойственности, старается объяснить и согласовать противоположность духовного и физического мира, которую носит в себе, гипотезами, будто внешний мир произошел из духовного или наоборот, будто духовный мир есть видоизменение материальной природы. Как же примирить это противоречие? Справедливо может быть одно из двух: или человек двойствен, в нем две природы, или природа у него одна. Какая же именно? Дуализм, спиритуализм и материализм составляют, в бесчисленных видоизменениях, главное содержание и преобладающий интерес верований и философских учений во все времена и у всех народов, а эти верования и учения всегда, рано или поздно, разрешаются в более и более тщательное, положительное изучение человеческой природы, в которой лежит ключ ко всем мировоззрениям, несмотря на их разнообразие.

Не забираясь далеко назад, посмотрим на то, что происходит в наше время. Мы живем посреди развалин двух противоположных философских взглядов, выведенных из психологических исследований Локка и Канта.

Ни тот, ни другой не были основателями философских систем, но подали своими трудами повод к образованию новых философских учений; основанных на психических данных. Кант объяснил, что мы не знаем и не можем знать сущности материальных предметов, что они доступны человеку только в своих явлениях, так сказать только с внешней своей стороны. На этом наблюдении был построен современный идеализм, который думал открыть начало единства в психической природе и из нее старался вывести и объяснить внешний, материальный мир. Локк пришел в своих исследованиях к результату, что врожденных идей в человеческой душе нет, что она, сама по себе – безразличная среда, которую наполняют внешние и внутренние впечатления. Из этого вывели, что души вовсе нет, что вся сила и вся суть в физической стороне человека, во внешней, материальной природе. Идеализм, перетолковавший и искаживший глубокие наблюдения Канта, быстро развился и быстро угас, договорившись в учении Гегеля до несообразностей и нелепостей, которые, наконец, открыли всем глаза на ложность основного начала идеалистических воззрений. Материализм, в свою очередь ошибочно истолковавший гениальные исследования Локка, оказался живучей. Сначала он явился во Франции в виде философской доктрины, во всеоружии идеализма, но потом отбросил его формы и в настоящее время старается примкнуть к положительному знанию и естественным наукам. В этом измененном виде материализм лежит в основе современных воззрений на человека и человеческую природу. Его господство объясняется отчасти положительным направлением века и огромным развитием естествоведения, но еще больше грубыми ошибками идеализма, который потерял всякое доверие; большинство же, везде и всегда, судит о взглядах не по началам, на которых они основаны, а по их действительным или кажущимся выводам.

Оставим в стороне идеализм, который теперь отброшен и забыт, и займемся современным материализмом.

В самой наивной своей форме материализм просто отвергает психические факты, потому что они не имеют никакой реальности. На том же основании не признается им и душа – центр и источник психических явлений.

Ошибочность и странность такого взгляда так очевидна, что едва ли стоит его опровергать. Реальным называется то, что подлечит внешним чувствам. Очевидно, что психические явления не принадлежат к числу реальных. Но разве вследствие того они перестают быть действительными фактами? Бред больного, галлюцинации иступленного, сонные видения, – все это несомненные факты. В средние века номиналисты и реалисты спорили о значении общих понятий; Кант различал талер в руке от понятия (т. е. представления) о талере; но ни номиналистам, ни Канту в голову не приходило отвергать действительность психических явлений. Такой странный взгляд осязательно определяет исходную точку материализма. Для него действительно существует только реальное. Задавшись этою предвзятою мыслью, он отвергает все нереальное. Такой прием очень далек от приемов положительных наук и точного метода, под знамя которых материализм становится, и отзывается схоластикой, против которой он ратует.

Несостоятельность приведенного довода очевидна. Материализм прибегает к другому. Положим, говорят материалисты, что психические явления действительно существуют, но что же из этого? Они не имеют никакого значения, никакого влияния в реальном мире. Они – царство теней, внутренние, бесплотные, но за то и бессильные отражения в человеке окружающей действительности.

Спрашивается: справедливо ли, что психический мир остается безучастным посреди реальных явлений? Многие психические факты действительно не имеют непосредственного значения в реальном мире, не имеют даже никакого прямого к нему отношения; но зато многие другие оказывают на то, что окружает человека, и на его тело самое очевидное и решительное действие.

Мы говорили выше о реальных предметах и явлениях, в которых выражаются, или к которым приурочены мысли, чувства, деятельность людей. Эти предметы представляют нечто новое, небывалое посреди физической природы, потому что она сама собою, помимо человека, не творит ничего подобного, или если и творит, то изредка, случайно, вовсе без намерения придать то значение или смысл, какой им придает человек. Почти все, что его окружает, представляет внешнюю природу не в ее естественном виде,

а переделанную, переименованную, приспособленную к потребностям людей, в неизвестных ей сочетаниях, носящих на себе живой след человеческой деятельности. Наша одежда и приготовленная пища, наши дома, дворцы, храмы, наши поля, сады, парки, фабрики и заводы, произведения наук, литературы, искусств, художеств, ремесел и промышленности, наши пути сообщения, суда, крепости и оружия, наши прирученные и акклиматизированные растения и животные, – словом, все вокруг нас представляет комбинации физических явлений, неизвестные природе, пока она свободна от влияния человека. Откуда же это действие его на окружающий мир? Оно психического свойства. Человек, преследуя свои цели, изменяет естественную группировку физических явлений и данных и вводит другую, какая ему нужна; он заставляет внешнюю природу производить то и таким образом, как ему лучше, и достигает этой цели, внося в физический мир те перегруппировки естественных условий, которые сложились в его мысли, в науке вследствие пристального изучения внешнего мира. Человек создает при помощи тех же природных условий, только придавая им другой вид, приводя в другие сочетания, которых природа сама собою не дает; их указывает лишь человеческая мысль, т. е. именно то, что иные считают не имеющим во внешнем мире никакого значения.

Далее: наше тело есть тоже предмет внешней природы, а оно проникнуто психическими влияниями, ежеминутно представляет неопровержимые доказательства реальной деятельности души и ее явлений. Подобно внешней природе, человек выделяет и дрессирует свое тело и каждый из своих органов к известной работе или приемам. Пальцы музыканта, ухо аускультатора, руки хирурга, вкус гастронома, глаз архитектора, живописца и т. д. достигают виртуозности, о которой люди и не мечтали, пока настоячивые, постоянные, глубоко обдуманые и рассчитанные упражнения не дали наглядных, блистательных результатов. Во внешнем виде, привычках, особенно же в лице выражаются психические движения, настроения и характер человека. Следовательно, как бы психическая жизнь ни сложилась, но она есть и оказывает влияние и действие на физический организм. Взгляд и вообще выражение глаз, склад губ, смех, манера го-

ворить, известные сокращения мышц, выражающиеся в складках кожи и морщинах на лице, – все это носит на себе несомненную печать психических движений, состояний и привычек, так что по первым мы узнаем последние.

Потом: всякий знает, как сильно психические движения действуют на наше тело. Глубокие огорчения и несчастья производят болезни, помешательство и внезапную или медленную смерть. Удаление психических влияний, вредно действующих на человека, рекомендуется врачами как гигиеническая мера. На это замечают, что психические движения и состояния производятся непосредственными, физическими же ощущениями, как-то: угрозами, испугом, страхом, возбуждением страстей и т. п., которые физически действуют на нашу мозговую и нервную системы, а через них уже на весь организм. Но не все психические явления и состояния вызываются одними внешними способами, да и самые эти способы далеко не всегда реального свойства. Грозить можно не только побоями или смертью; страсти возбуждаются не одними физическими желаниями или крепкими напитками; испуг и страх могут происходить от причин, не имеющих ничего общего с внешними, материальными впечатлениями. На душу, кроме физических, действуют и особенные, ей одной исключительно доступные психические влияния, вовсе непохожие на непосредственные впечатления и телесные ощущения. Письмо, разговор, телеграмма, слух могут привести нас в отчаяние или восторг, свести в могилу, с ума или заставить решиться на поступок, о котором мы за минуту перед тем и не думали. Что же тут действует? Очевидно, не процесс чтения, не очертания или вообще наружный вид букв, не ударение звуковой волны в слуховую перепонку, а то, что ими выражается, тот психический факт, который к ним приурочен и который по поводу их в нас возбуждается. На каждом шагу испытываем мы такие психические действия и влияния, вызывающие в нас известные психические состояния или явления, которые выражаются на нашем теле или заставляют нас предпринять то или другое действие. Кроме того, множество психических явлений и настроений, вызывающих нас на внешнюю деятельность, возбуждаются совершенно независимо даже от таких нереальных впечатлений, одними внутрен-

ними движениями души, – а именно, представлениями, мыслями, чувствами, которые возникают сами собою или возбуждаются в нас нами самими преднамеренно и направляются так или иначе. Я хочу встать – и встаю; раздумал, – и сажусь опять. Мы подавляем в самих себе, силою воли, естественные, физические движения, глотаем слезы, сдерживаем смех, с полным вниманием занимаемся делом, когда чувствуем крайнее расслабление от недостатка сна, от голода, жажды, или сильных страданий. Люди подавляют в себе страх смерти или опасности из самых разнородных психических побуждений. Храбрость, прирожденное свойство у одних, другими приобретает долгою работою над собою. Умение сохранять наружное спокойствие при внутреннем волнении, не обнаружить ни малейшим внешним признаком внутреннего психического состояния или по произволу носить в совершенстве ту или другую маску, чтобы скрыть настоящие мысли и чувства, – все это показывает власть души над естественными ощущениями и побуждениями.

Против этого обыкновенно возражают, что подавление физических ощущений психическим действием есть только кажущееся; на самом же деле, не психическое состояние господствует над внешним ощущением, а более сильное внешнее ощущение над менее сильным. Но с этим объяснением никак нельзя согласиться. Есть, без сомнения, множество случаев, когда действительно различные физические ощущения борются в нас между собою; перевес очевидно должен в таких случаях остаться за тем, которое сильнее. Но мы и не говорим о таких случаях, а имеем в виду исключительно только те, когда не внешнее ощущение, а именно психическое состояние подавляет действие внешних впечатлений. Страх смерти может заставить вынести, не поморщась, жестокие муки, и в этом, положим, нет даже особенной доблести; но когда глубокое убеждение, вера, чувство достоинства или даже и менее почтенные побуждения дают силу спокойно встретить смерть и страдания, то как же объяснить их иначе, как не психическим влиянием на физические ощущения? Говорят: здесь опять-таки действует сочетание различных физических побуждений и ощущений, которые в нас преобразуются и получают вид психических состояний. Но если бы

это и было так, – что же такое, спрашивается, это несуществующее и невозможное нигде, кроме психической среды, сочетание непосредственных впечатлений и ощущений и переработка их в новый вид, как не психический продукт, психическое состояние или явление?

Наконец, каждую минуту у нас перед глазами примеры изменения реальных фактов психическими; мы только или не замечаем их, или не хотим замечать. Сожительство людей, семья и устроенное общежитие представляют обширное поле для таких наблюдений. Закон воспроизведения расы обуславливает и у людей, и у животных взаимное влечение полов и заботу о детях; но у людей, кроме половых влечений, есть любовь и брак. Последние отодвигают первые на второй план и переживают их. Инстинкт воспитания детей есть и у большинства животных; но у людей между родителями и детьми существуют постоянные и правильные отношения, которые продолжаются, когда попечения родителей делаются уже вовсе ненужными. То же самое представляет и общий у человека с некоторыми породами животных инстинкт общежития. Бесчисленные отношения людей между собою и к целому обществу определяются постоянным и правильным образом, и реальные факты подчиняются общим законам или заключаемым договорам. Я нанимаю землю на пять лет, и с окончанием этого срока отдаю ее обратно хозяину. Реальный факт владения – за мной. Что же определяет обратную передачу земли хозяину? Право собственности, факт не реальный, а психического свойства. Точно так же, не самовольная расправа полагает конец столкновениям между людьми, а суд. Так и во множестве других случаев материальные факты уступают психическим.

Таким образом, тысячи данных показывают, что психические явления не остаются без глубокого действия и влияния не только на наше тело, но и на окружающий человека мир. Отсюда следует, что душа, которой приписываются психические явления, есть один из деятелей и в реальном мире. Опираясь на положительные факты, доступные внешним чувствам, можно доказать, что физическая природа преобразуется и получает другой вид везде, где является человек, и что эти преобразования совершаются при участии и под влиянием психических элементов.

Но, замечают многие, каким образом определить свойство, степень и способы влияния психических фактов на реальный мир, когда эти факты, а тем более душа, не имея реальности, не могут быть предметом положительного изучения? Психология как положительная, точная наука невозможна!

Эту мысль разделяет огромное большинство образованных людей, даже не принадлежащих, по своим взглядам, к числу материалистов. Психические явления, думают они, не имея реального характера, доступны только для самонаблюдения. Что происходит в нашей душе, закрыто для внешних чувств и открывается только нашему сознанию, внутреннему, психическому зрению.

Если бы это было так, если бы одно только сознание устанавливало и определяло психические факты, то нечего было бы и думать о положительном, точном их исследовании. Каждый производит внутренние наблюдения над собою по-своему; допустив, что для проверки их нет всеобщего, объективного мерила, надо согласиться, что психология, как наука, действительно невозможна. Но такой взгляд вдвойне ошибочен. Психические и реальные явления стоят на одной почве, и не трудно доказать, что первые так же доступны для внешних чувств, как последние, а последние столько же зависят от самонаблюдения, сколько и первые.

На чем основано наше непоколебимое доверие к реальному знанию, которое мы только и признаем за положительное, точное? Мы знаем только впечатления, получаемые от внешнего мира, а эти впечатления, как мы видели, вполне психического свойства, т. е. доступны только для внутреннего наблюдения. Было время, когда люди, по тем же самым причинам, по которым мы теперь считаем невозможным положительное изучение психических явлений, отрицали возможность положительного исследования реальных фактов и усомнились в самом существовании внешнего мира. Однако на этом человек не остановился. Много труда и усилий положил он на то, чтобы проверить впечатления, усилить и усовершенствовать действие внешних чувств, устранить их ошибки, вычесть из общего итога наблюдений разнообразие, происходящее от личных свойств, условий и недостатков лиц, получающих впечатления. Благодаря этим усилиям и трудам, впечатления – основа положитель-

ного знания – выработаны до того высокого совершенства, которое дало возможность построить на них несокрушимо прочное здание современной положительной науки.

Мы не знаем внешнего мира помимо впечатлений, которые он производит в нас через внешние наши чувства; но эти впечатления упорным трудом поколений очищены от посторонних примесей и получили ту степень объективности, которая составляет неперемненное условие и основание положительного знания. Кто думает, что мы изучаем и исследуем реальный, внешний мир, каков он сам по себе, тот очень ошибается. Наше знание этого мира есть только знание получаемых от него впечатлений. Такое знание не есть мечта и призрак потому только, что один и тот же предмет или явление постоянно производят в нас одни и те же впечатления. Конечно, мы не имеем никаких средств убедиться, что это действительно так, но заключаем из того, что выводы из одних впечатлений, сделанные с должною точностью, осмотрительностью и проверкой, оправдываются и подкрепляются другими впечатлениями. Если бы впечатления, производимые в нас внешними предметами и явлениями, не находились с последними в известном постоянном и правильном соответствии, то не только астрономы не могли бы безошибочно и точно предсказывать солнечные и лунные затмения, архитекторы строить дома, инженеры – мосты, врачи – лечить и т. д., но не было бы вообще никакой науки и люди не узнавали бы друг друга.

Стало быть, положительное изучение так называемых реальных предметов и явлений улетучивается при ближайшей проверке в психические действия над психическими фактами.

Обратимся теперь к последним. Мы видели, что они не только совершаются в душе, но принимают также деятельное участие в реальных предметах и явлениях, выражаются в них, приурочиваются к ним, приводят их в тысячи новых сочетаний. Это более или менее заметно на всех созданиях человеческих рук, – этой второй природе, воздвигаемой человеком над той, которая живет помимо его действия и вмешательства, а также и на тех изменениях, которым подвергается человеческое тело под влиянием психической жизни. В обоих случаях мысль, чувства, деятельность человека обнаруживаются и ста-

новятся доступными для внешних чувств. Только благодаря такому обнаружению психической жизни во внешних предметах и явлениях становится возможным, на ряду с знанием природы, и положительное знание духовной стороны человека. Только на основании внешних проявлений психической жизни мы можем говорить о праве, об искусстве, о философии, о науке, о религии, о политике, об истории и т. д. Будь мы ограничены одним самонаблюдением, мы бы ничего не знали о психическом мире, кроме тех его явлений, которые происходят в нашей душе и открываются нашему сознанию; но человек рано стал замечать обнаружение души, внешние следы ее жизни и деятельности; над ними ему пришлось и точно так же упорно и долго работать, прежде чем они могли послужить прочным основанием науки. Подобно внешним впечатлениям материального мира, и их пришлось сперва установить и определить точным образом в их объективной действительности, очистить от посторонних примесей, от произвольных толкований, от искажений времени, от умышленных и неумышленных ошибок тех, которые их передавали или толковали. Как в науках о природе большое и видное место занимают способы точного наблюдения предметов и явлений, точно так же и в науках о человеке критика источников, т. е. психических следов во внешних предметах и явлениях, играет первостепенную роль и составляет основание, без которого наука о духовной стороне человека невозможна.

Из сказанного видно, что психические факты совсем не так шатки и недоступны для положительного изучения, как многие думают, и что так называемые положительные, точные науки не имеют в этом отношении никакого преимущества перед науками о психической стороне человека. Как те, так и другие основывают свои выводы на критически обработанных впечатлениях; разница только в том, что первые имеют дело с впечатлениями, непосредственно получаемыми от физического мира, последние – с впечатлениями, получаемыми от внешних следов психической жизни и деятельности. Благодаря объективной определенности этих следов стала возможна даже история верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры. Сравнивая однородные явления у разных народов

и у одного и того же народа в различные эпохи его исторической жизни, мы узнаем, как эти явления изменялись, и подмечаем законы таких изменений, которые, в свою очередь, служат материалом для исследования законов психической жизни и деятельности. Все науки готовят, таким образом, материал для психологии, и от степени совершенства его выработки зависит большая или меньшая положительность психологических исследований.

До сих пор мы отвечали материализму разговорному, салонному, обиходному. Материализм, предъявляющий притязания на научное значение, не останавливается на приведенных нами возражениях, а смотрит на дело глубже. Он признает психические явления, их значение и влияние; не спорит и против того, что их можно изучать, как и реальные факты; но видит в этих явлениях не более, как произвольные, необходимые последствия физиологической организации и жизни человека; и, следовательно, в ней предполагает источник, коренную причину и условие психической жизни. По этому взгляду, психические явления не более как отправления физического организма человека, подобно тому, как пищеварение есть отправление желудка; следовательно, нет никакого основания, да и никакой надобности предполагать особый психический мир и душу как самостоятельный центр и источник психической жизни. Все психические явления объясняются или могут быть объяснены физиологической деятельностью или патологическим состоянием тех органов, в которых сосредоточивается так называемая психическая жизнь. Анатомия и физиология доказали, что впечатления и физические ощущения приводятся к головному мозгу нервами чувств: от их устройства и состояния и от внешних аппаратов, через которые они приходят в соприкосновение с окружающим миром, зависят все наши впечатления и ощущения, из которых слагаются психические явления; действия наши точно так же находятся в полной зависимости от нервов движения.

Психическая жизнь со всеми ее явлениями заключена в головном и спинном мозгу; если мозг правильно устроен и находится в нормальном состоянии, то и психическая жизнь совершается нормально; при малейшем же его расстройстве обнаруживаются

ненормальные психические явления, которые вполне зависят от рода и степени патологического состояния мозга. Человеку приписывается свободная воля, возможность произвольных движений; а физиология открыла, что вследствие многообразных соединений нервов чувств с нервами движений, впечатления и физические ощущения сами собою, без всякого участия не только воли, но и сознания, сообщаются от первых к последним, и производят разнообразные, произвольные движения, которые потому и называются рефлексами. Мы воображаем, что силою воли подавляем в себе движения; но они подавляются помимо нашей воли и нередко сознания такими же рефлексами, при помощи особых задерживающих аппаратов. Таким образом, множество движений и действий, которые считаются результатом деятельности свободной воли, оказываются на проверку произвольными, машинальными. Судя по этому, можно с полным основанием предположить, что и все прочие действия, которые, за необъяснением их механизма, мы продолжаем считать произвольными и приписываем воле и душе, на самом деле окажутся, с дальнейшими успехами анатомии и физиологии, такими же произвольными и рефлекторными. Стало быть, мысль о душе и производимых ею каких-то особых явлениях, различных от явлений реального мира, оканчивается гипотезой совершенно излишней и ненужной. Психическая жизнь совершается на физиологической подкладке и в полной зависимости от физиологических условий; психические явления пропитаны влияниями внешнего мира; взаимодействие физического и духовного элементов так постоянно и очевидно, что однородность их едва ли может подлежать какому-нибудь сомнению. Все это убеждает, что душа и приписываемые ей явления – не что иное, как продолжение телесного организма, а духовная жизнь человека – дальнейшее развитие физического существования. Следовательно, если психология и затем еще нужна и возможна, то приличное ей место отыщется разве только в конце физиологии, в виде описания мозговых и нервных отправлений. Относим же мы всех животных к внешней природе и не признаем за ними духовной жизни и особой психической деятельности, а между ними многие по своей интеллигенции, чувствам и кажущимся произвольным действиям чрез-

вычайно напоминают человека, и чем ближе мы изучаем организацию, нравы и образ жизни животных, тем близость их к человеку в этом отношении выказывается ярче и разительнее.

Этот взгляд очень распространен между образованными людьми, потому что опирается на положительные и бесспорные факты. Что психическая жизнь и деятельность обусловлены физическими, материальными фактами, что нормальная психическая деятельность и правильность психических отправления находятся в тесной зависимости от состояния телесного организма, — об этом нет и не может быть спора. Признавая всякое действие человека роковым, необходимым последствием внешних, физических условий, материалисты вводят всякое действие человека и вообще всякое психическое явление в круг реальных фактов. Материалистический взгляд принимает за точку отправления ту совершенно правильную и верную мысль, что если психические явления могут оказывать действие на реальный мир, и наоборот, если реальные предметы имеют влияние на психический мир, то оба должны быть однородны; иначе они не могли бы находиться в такой тесной между собой связи и взаимодействии. В чем же заключается их однородность? В психическом начале? Но все попытки вывести и объяснить реальный мир из психического оказались безуспешными; итак, думают материалисты, остается предположить, что психические явления объясняются физиологическими условиями, реальной природой. На возможность такого объяснения есть много указаний. Множество представлений, несомненно, образуются в нас из внешних впечатлений и физических ощущений; очень вероятно, думают материалисты, что и все остальные наши понятия и чувства произошли из того же источника. Всего убедительнее говорят в пользу такого предположения аналогичные с человеком явления в органической природе и в особенности в царстве животных. Последние имеют в низших породах нервные узлы, а в высших, подобно человеку, мозговую и нервную системы; чем эти органы развитей и совершенней, тем ближе животные подходят к человеку по своим психическим отправлениям. Если мы не признаем самостоятельной, самодеятельной психической жизни в животных и ищем ей объяснения в физиоло-

гических условиях и устройстве, то на каком основании будем мы приписывать самостоятельное психическое начало человеку? Что он представляет высшую ступень в сравнении с животными, не дает еще нам права делать для него изъятия из общего правила и объяснять его большую развитость причинами, которых мы не признаем в применении к остальному миру.

Несмотря на всю кажущуюся убедительность этих доводов, материализм не разрешает задачи, потому что выводы его основаны на недоказанных гипотезах и на ошибочных заключениях из бесспорных фактов.

Начнем с того, что тесная связь психической и материальной жизни, конечно, указывает на то, что их источник один. Но неудачные опыты идеализма открыть этот источник в психической жизни не только не уполномочивают искать в реальном мире разрешения загадки, но, как мы думаем, совсем напротив, должны бы заранее отнять всякую надежду достигнуть этой цели путем изучения внешней природы. Для непредубежденного ума психические и реальные явления суть факты двух различных порядков. Их единство — искомое науки, неизвестное X, и не может быть объяснено одним из них, а разве обоими вместе. Почему же, спрашивается, вероятнее возможность объяснить психическую жизнь физиологическими условиями, чем реальные явления психическими? О целом заключать можно только по совокупности частей, а не по одной какой-нибудь его части. Когда речь идет о неорганических предметах, можно еще, до некоторой степени, заключать о целом по какой-нибудь части его, но и в таком случае заключение легко может не оправдаться; в применении же к явлениям органическим оно просто невозможно. Прибавим, что реальный мир мы знаем по одним впечатлениям и физическим ощущениям, т. е. как психическое явление. Что такое материальный мир, что такое материя — мы не знаем, как не знаем, что такое психический мир и душа. Признаки того и другого мира мы определяем, только сравнивая их между собою и противопоставляя один другому; без того мы бы не знали даже и этих признаков. Ясно, что пытаться объяснять, а тем более выводить психическую жизнь из физической и наоборот, значит, попасть в заколдованный круг, или вертеться в беличьем колесе, из которого нет выхода.

Не более убедителен и тот вывод, будто зависимость психической жизни от физиологических условий есть аргумент против ее самостоятельности и самодеятельности. Не подлежит сомнению, что психическая жизнь возможна только при известном состоянии мозга и нервов, что с ненормальным их состоянием или разрушением и она выражается в ненормальных явлениях или совсем прекращается. Но почему из этого должно следовать, что психическая среда не может иметь самодеятельности, – этого никак нельзя понять. Каждый организм, растение или животное имеет свою долю самобытности и самодеятельности, но и тот и другой кругом вполне зависят от окружающей среды, и не находя в ней необходимых условий для существования или нормальной жизни, искажаются, чахнут и умирают. Не говорим мы, однако, видя этот факт, что растительные или животные организмы – не что иное, как отправление среды, в которой живут. На каком же основании станем мы делать такое заключение о психической жизни и деятельности? С точки зрения положительной науки и по правилам точной индукции мы, кажется, не имеем к тому никакого повода.

Кроме этих отрицательных доводов против материализма, есть и положительные. Очевидные и бесспорные факты показывают, что в душе нашей происходят своего рода процессы, вырабатываются своеобразные явления, которых нельзя объяснить иначе, как самодеятельностью души. Наши представления о внешних предметах или телесных впечатлениях – не простые, непосредственные оттиски впечатлений внешнего мира, а, как мы увидим ниже, результат сложной психической работы. Ссылаемся на очень любопытные исследования Вундта, которого никто не заподозрит в антиматериалистических предрассудках. Будь психические явления в непосредственной зависимости от условий и законов внешней природы, представления были бы фотографическими оттисками впечатлений внешнего мира. Если же они – результат психической работы, то из этого следует, что по принятии впечатлений в нас совершается какой-то процесс своего рода, при помощи которого впечатление переделывается в представление. Стало быть, есть особая психическая среда и особая психическая жизнь, которая от соприкосновения с вне-

шним миром только возбуждается к своеобразной деятельности.

Но в душе человека существуют не одни представления. Рядом с ними есть множество других психических явлений и фактов, которые имеют более или менее далекое отношение к непосредственным впечатлениям и ощущениям, а другие, по-видимому, не имеют с ними никакой связи. Материалисты едва ли согласятся признать их, вместе с некоторыми психологами, за прирожденные, непосредственные данные нашей психической природы. Что же они такое? Продукты? Но тогда надо признать, что в душе совершаются свои, ей свойственные процессы, которые приводят в новые сочетания поступающих в душу материал, а это прямо указывает на самостоятельную психическую деятельность. Статуи, бюсты, картины, рисунки иногда действительно передают до некоторой степени, хотя и условно, те впечатления, которые производят на наше зрение внешние предметы и явления; но зато множество других представляют небывалые в мире сочетания впечатлений. Не говоря об идеальных изображениях, возьмем изваяния и картины, представляющие голову медузы, минотавра, крылатых быков, химеру, драконов, сирен, сатиров, фавнов и т. п.; разве они не живые, осязаемые доказательства того, что между психическим творчеством и реальными, непосредственными впечатлениями лежит целая бездна? Но если даже внешние образы, создаваемые нами, и впечатления реальных, физических предметов могут так существенно различаться между собою, то что сказать о мыслях, взглядах, движениях души, страстях, которые мы тоже выражаем во внешних предметах?

Самое простое наблюдение над нашею ежедневною жизнью приводит к тому же результату. Без всякого внешнего повода мы иногда припоминаем давно забытое. Это значит, что оно из нашего психического резервуара или хранилища подымается на поверхность и представляется нашему внутреннему зрению. То же происходит в нас, когда мы узнаем уже знакомый нам внешний предмет или явление. Впечатление его на наши чувства вызывает из того же резервуара или хранилища представление наше о том предмете или явлении; сравнивая полученное впечатление со сложившимся уже представлением, мы признаем их совершенное сходство,

и это называется узнать знакомый уже предмет или явление. Такой же процесс происходит в нас, когда мы встречаем предмет или явление, которых до того времени совсем не знали или забыли; мы сравниваем тогда полученное новое впечатление с однородными и сходными представлениями, которые находятся в нашей душе, и затем определяем, что оно такое, куда его отнести, какие его отличительные признаки и какие общие с другими, т. е. узнаем его, но как нечто новое, чего мы прежде не знали. Все эти и подобные им психические процессы доказывают самостоятельную, хотя в большинстве случаев и бессознательную деятельность души.

Далее. Мы уже заметили выше, что психическая жизнь и деятельность имеют свои особенные, им исключительно свойственные способы выражения и что душа может особенным образом принимать впечатления и возбуждаться к деятельности. Письмена и ноты, конечно, внешние, материальные предметы, но они служат условными знаками, символами, которые совсем не то значат для психической жизни, что представляют в качестве материальных предметов. Это значение их очень удачно выражается в средневековых сказаниях о кабалистических словах и формулах, которыми вызываются духи. Письмо, книга, ноты как материальный предмет совсем не то, что в них открывает душа, потому что ими условно выражаются самые тайные движения психической жизни, передаются самые животрепещущие ее мотивы; оттого-то они психическим, а не материальным своим смыслом так глубоко нас затрагивают, часто имеют на нас потрясающее действие. Психические влияния, сообщения, сношения происходят при посредстве внешнего мира и физических предметов, как психическая жизнь совершается в материальных органах; но эти сообщения нельзя считать тождественными с внешними предметами и явлениями.

То же самое подтверждает бесчисленная, разнообразная масса психических явлений и вытекающих из них внешних действий человека, которые происходят без всяких непосредственных внешних влияний и побуждений, под одним лишь влиянием психических мотивов. Каждый человек преследует какую-нибудь цель; но самая материальная и внешняя цель, возникшая вследствие таких же

материальных и внешних побуждений, является уже психическим деятелем, и ее достижение, приискание и выбор для того средств могут происходить в нас совершенно независимо от внешних влияний и побуждений, даже наперекор им. Эта способность к самостоятельной деятельности, эта возможность инициативы по внутренним побуждениям доказывает, что психическая жизнь может возбуждаться в деятельности и из самой себя, при помощи данных и фактов, которые в ней самой содержатся. Когда мы говорим, что человек погружен в самого себя, в свои мысли, мы предполагаем в нем способность обращаться к фактам и явлениям своей психической жизни. Справедливо или нет, что весь психический материал заимствуется нами из внешнего мира, – это другой вопрос, который мы рассмотрим в своем месте; но если бы это и было действительно так, то психическая самостоятельность и самодеятельность этим нисколько не опровергаются; растения берут же свой материал из царства ископаемых и воздуха, животные – из ископаемого и растительного царств; однако и в тех, и в других признается самостоятельная деятельность и жизнь, несмотря на то, что они питаются извне. Что мы признаем за растениями, животными и человеком в материальном отношении, то должны мы признать и за психическою жизнью, которая тоже представляет органическое целое, самостоятельное и самодеятельное, хотя и вырастает на почве физического мира и заимствует из него первоначальный свой материал.

Материализм не отрицает всех этих фактов, но объясняет их по-своему. То, что мы называем психическим процессом, то в его глазах нервный или головной рефлекс, который не предполагает ни особой психической среды, ни участия воли и совершается механически, вследствие внешних впечатлений или физических ощущений. Это предположение как будто подкрепляется тем, что множество психических процессов совершаются не только без всякого участия воли, но даже совершенно бессознательно.

Открытие рефлексов и аппаратов, задерживающих рефлекс, пролило свет на совсем до тех пор темную и непонятную область произвольных движений и объяснило их механизм, но мы не думаем, чтобы это великое открытие объясняло все психические явления.

Что произвольные движения существуют, что они совершаются механически, – это было известно задолго до научных наблюдений над психическими явлениями. Открытие рефлексов и задерживающих аппаратов, как сказано, только объяснило их механизм, их причины и доказало, что известные движения, которых значения мы не понимали в других (о своих движениях мы всегда точно знаем, произвольны они или нет), могут быть произвольными, хотя и кажутся произвольными. Круг наших положительных знаний через это расширился. Но можно ли, не отступая от точного метода исследования, заключить отсюда, что произвольных движений вовсе нет, что все движения человека, без изъятия, произвольны? Во-первых, мы знаем из ежедневного опыта, что множество произвольных движений могут быть и произвольными. Часто, в бреду и во сне, мы говорим бессознательно, следовательно произвольно, то, что говорим с полным сознанием и преднамеренно, когда не спим и совершенно здоровы; во-вторых, из того же опыта мы знаем, что движение может быть произвольным, хотя мы его и вполне сознаем; такова зевота, таковы конвульсивные движения; наконец, из опыта же мы знаем, что множество сознательных и произвольных движений, после частых повторений, могут, мало-помалу, обратиться в произвольные и бессознательные, а это показывает, что закон и формула рефлексов еще недостаточно выяснены. Что они имеют физиологическое основание, – это, после сделанных точных научных наблюдений и опытов, совершенно бесспорно; но загадку остается, какие именно рефлексы даны самою природою и какие выработаны привычкою, которой, как сказано, предшествует множество сознательных и произвольных движений. То же следует сказать и о деятельности задерживающих аппаратов; толчком для их деятельности могут служить и рефлексы и сознательный акт воли, в чем нетрудно убедиться каждому, кто даст себе труд наблюдать за своими собственными движениями.

Из сказанного следует, что оба открытия, при всей своей важности для науки, не дают никакого права отвергать произвольные движения, другими словами, отвергать самодеятельность души как источника действий.

Наконец, материализм указывает на животных как на доказательство, что нет ни ос-

нования, ни возможности, ни надобности предполагать в человеке особое психическое начало и психическую самодеятельность.

Приравнение человека к животным стало, в наше время, одною из любимейших тем. Она повторяется на всевозможные лады и вошла, так сказать, в плоть и кровь взглядов и убеждений значительнейшего большинства современного образованного общества. Все так ею проникнуто, что мы теперь едва уже сознаем, чем собственно различается человек от остального мира. Между тем именно сравнение человека с животным есть довод не в пользу, а скорее против материалистических воззрений.

Прежде думали, что человека отличает от остальной внешней природы дар слова; но этот признак нельзя считать характеристическим для человеческого рода, потому что мы не знаем, ведут ли животные между собою разговор или нет. Многие данные не оставляют никакого сомнения в том, что животные, особенно одной породы, и понимают друг друга и умеют взаимно сообщать не одни половые влечения, но и разные доступные им ощущения и впечатления. Значит у них, по-видимому, есть свой язык, нам непонятный, как наш непонятен им, и следовательно, в этом отношении, человек мог бы отличаться от животных только большим совершенством, большим развитием своих способностей.

Говорили также, что человек мыслит, а животные не мыслят. Но выражение «мыслить» слишком неопределенно и неточно. Если под мышлением разуметь соображение, то тысячи наблюдений доказывают, что животные тоже мыслят. Их соображения часто поражают своею сложностью и тонкостью. Стало быть, и в этом отношении за человеком остается только преимущество большей степени развитости. Впрочем, кому не приходило в голову, глядя на иного извозчика и его лошадь, на иного пастуха и его собаку, что животное бывает иногда умнее и способнее человека.

Специфического различия человеческой породы от животных искали также и в других признаках, например, в способности человека жить семьей и обществом, в развитии в нем чувства, в умении приспособлять внешнюю природу к своим нуждам и потребностям; но ближайшее знакомство с нравами и привычками животных показало, что эти-

ми же свойствами и способностями одарены и различные породы животных, так что вся разница состоит опять только в формах выражения и в большей или меньшей степени развития, причем, как сказано, нередко преимущество остается на стороне животных, а не человека.

Единственное, чем человек действительно, коренным образом, отличается от всего остального мира, – это способность его выражать во внешних предметах психические свои состояния и движения, передавать в образах и знаках совершающиеся в нем психические явления, не подлежащие внешним чувствам. Ни одно, даже самое развитое и совершенное животное не может изваять статуи, нарисовать картины, начертать план или фасад, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу. В такого рода деятельности человек не находит даже подражателей между животными.

Рассмотрим ближе эту замечательную особенность.

Когда скульптор или живописец с оригинала лепит статую или рисует портрет, нам кажется, будто он воспроизводит, одни за другими, черты предмета, который находится перед его глазами; на самом же деле он воспроизводит только то представление, которое в нем образовалось из впечатлений, произведенных в нем оригиналом, и притом воспроизводит очень недостаточно и одно-сторонне. Статуя, картина, только в известном отношении, с известной точки зрения, есть подобие, вдобавок очень несовершенное, действительного предмета, как он нам представляется, так что простой человек и не замечает сходства статуи или картины с оригиналом, как бы оно для привычного глаза ни было поразительно. Лучшим доказательством, что не предмет, а представление о предмете воспроизводится в статуе или картине, служит то, что статуи делаются, картины пишутся и без оригинала. Имея его перед глазами, художник только освежает, оживляет свое представление, которое он хочет выразить, закрепить во внешнем предмете.

Возьмем далее ноты. Они не представляют даже и подобия того впечатления, которое ими выражается, как статуя или картина. Мы уже заметили, что нет ничего общего между звуком и тою точкою, крючком и т. д., по которым умеющий читать ноты узнает его с первого взгляда и может воспроизвес-

ти. Между впечатлениями звуков и нотами, которые их представляют, существует только условное соответствие. Чтобы распознать сходство портрета или бюста с оригиналом, нужна только некоторая привычка глаза, т. е. нужно освоиться с теми переменами, которые происходят в непосредственном впечатлении предмета, при передаче его в мраморе, дереве, на полотне или бумаге. Но чтобы написать или разбирать ноты, одного такого навыка недостаточно; нужно знать условное значение каждого знака, потому что сам по себе он не изображает впечатления звука.

Письмена идут еще дальше. Они не только изображают впечатления, доступные чувствам, подобно статуе или картине, но даже психические факты и явления, вовсе не имеющие непосредственного характера. Подобно нотам, письма – условные знаки, не имеющие сами по себе ничего общего с выражаемыми предметами; но в нотах знаки представляют непосредственные впечатления звуков и ничего больше; а буквы хотя тоже выражают звуки, но такие, которые сами по себе ничего не значат, а представляют (иногда по одиночке, большею же частью в известных сочетаниях) какой-нибудь предмет, явление, действие, ощущение и т. п.; звуки являются тут посредниками, без которых легко и обойтись; не прибегая вовсе к голосу, мы при помощи одних письмен можем сноситься между собою и узнаем дела и мысли давно умерших людей.

Таким образом, статуи, картины, ноты, письма, – факты осязаемые, реальные, доступные внешним чувствам, – свидетельствуют несомненным образом о том, что сверх деятельности общей с животными, человек имеет еще свою особенную, характеристическую, ему одному исключительно свойственную, воспроизводить представление во внешнем образе, приурочивать психические состояния, чувства, мысли, словом, психические факты и события к известным и внешним условным знакам, по которым они могут быть узнаны и воспроизведены. Такая деятельность человека показывает, во-первых, что он одарен каким-то психическим зрением: не имей он способности видеть находящихся или происходящих в нем психических фактов, он не был бы в состоянии выражать их в образе или условном знаке, они вовсе бы для него не существовали, и он не имел бы об них ни малейшего понятия.

Что психические факты выражаются в образах и условных знаках, показывает, во-вторых, что психические явления имеют в нашей душе действительное существование и свою точную определенность и объективность. Без этого нельзя было бы говорить о более или менее точном и совершенном выражении их во внешнем образе или знаке и был бы невозможен спор о том, соответствует или не соответствует образ или знак тому или другому психическому факту, или какое настоящее значение этих образов и знаков. Сравнивая между собою художественные или литературные произведения, мы отдаем предпочтение одним перед другими, потому что одни глубже, лучше, точнее, чем другие передают психическую действительность, которую изображают; должна же эта действительность иметь свою, точно обозначенную, определенную и очерченную форму, свою объективность; иначе как бы мы могли сравнивать между собою ее изображения и проверять, схожи ли они с оригиналом и в какой мере?

Мы рассмотрели теперь все основания материализма и видели, что ни одно из них не может быть принято положительным знанием, потому что они выведены несогласно с правилами индуктивного метода, на авторитет которого материалисты обыкновенно ссылаются. Но этого мало: сама постановка задачи и исходная точка материализма крайне сбивчивы и шатки. Материализм отрицает свободную волю, находя, что она несовместима с законом необходимости; но не странно ли, что он ссылается при этом на естественные науки и законы физической природы, тогда как необходимость естественных явлений как нельзя лучше уживается рядом с психической свободой воли, и между тою и другою нет собственно никакого противоречия? Мы видели, что вся деятельность человека во внешнем мире ограничивается одною перестановкою физических условий, другою их комбинацией; ни прибавить что-нибудь в физической природе, ни убавить, ни переменить естественных законов он не властен. Природу он заставляет служить себе, только приводя ее условия и данные в такие сочетания, что они сами собою, действуя по естественным законам, производят то, что человеку нужно. Стало быть, свободною и произвольною деятельностью человека закон необходимости никогда не нарушается и не может

быть нарушен. Сама энергическая воля не может ничего произвести во внешнем мире иначе, как в условиях этого мира и соотносясь со всеми его законами. Ковер-самолет существует только в сказках, а в действительности есть паровозы и железные дороги; Икар, говорят, летал высоко, однако упал, потому что солнце растопило его восковые крылья. Естественные науки не знают свободы воли, а знают только закон необходимости, потому что во внешней природе все необходимо, все есть роковое, неизбежное последствие данных условий, управляемых неизменными законами. Поэтому с точки зрения естественных наук нельзя и догадаться, что существуют произвольные движения или свобода воли; каждое такое движение, каждый акт воли, производит во внешнем мире только те перемены, которые допускаются естественными условиями и законами. Теперь я хочу писать и пишу; через час намерен отправиться к знакомому, а затем пойду гулять; каждое из этих намерений зависит от моей доброй воли, и я могу, если захочу, изменить этот план, но вот я его исполнил и мои действия, уже выполненные, представляются необходимыми, т. е. согласными с внешними условиями и законами природы, иначе они не могли бы состояться; так, если бы я упал, например, в обморок, то не мог бы продолжать писать; если бы мой знакомый выехал из Петербурга, то я не мог бы с ним видаться; переломи я ногу, не состоялась бы прогулка. Повторяем: с точки зрения естественных, природных условий нельзя подойти к свободе воли и произвольным движениям, и не зная мы о них другим путем, мы не имели бы о них никакого понятия. Но зато естественные науки и не поднимают вопроса об этом предмете; он лежит вне круга их исследований; поэтому они не утверждают и не отрицают свободы воли и произвольных движений, а просто обходят их, не имея до них никакого дела.

Из неосторожного противопоставления необходимости свободе в материалистических воззрениях мы вправе заключить, что понятия материалистов не только о свободе, но и о самой необходимости очень неопределенны и смутны. В самом деле, что такое необходимость? С точки зрения естественных наук, на которую желает стать материализм, необходимость выражается в постоянстве, неизбежности результата или последствий

совокупного действия одних и тех же естественных условий. Когда такие-то условия все налицо, такой-то результат их неизбежен; когда они изменяются, и результат непременно должен выйти другой. Применяя этот закон к взаимным отношениям реального и психического мира, мы найдем, что он несомненно управляет получаемыми нами впечатлениями и физическими ощущениями. Происхождение их из физических условий, строгое и постоянное соответствие последним может быть определено точными наблюдениями. Но уже образование представлений из впечатлений и физических ощущений вызывает недоумение, и мы никак не можем, опираясь на реальные данные, проверить, составляют ли представления строго необходимый результат наличных впечатлений и ощущений. Так как в образовании представлений уже участвуют психические процессы, то мы имеем даже повод сомневаться, чтобы между впечатлениями и ощущениями, с одной стороны, и представлениями – с другой, существовала непосредственная, необходимая, естественно-историческая связь. Это подтверждается необыкновенным разнообразием представлений об одних и тех же внешних предметах и ощущениях, вследствие чего науке беспрестанно приходится их исправлять и проверять. То же самое, и еще с большим правом, нужно сказать о происхождении чувств, мыслей, движений воли. Против этого возражают, что мысли чувства и прочее суть необходимые, механически слагающиеся комбинации представлений. Отчасти это, без сомнения, так, но отчасти, как мы увидим ниже, не так; во всяком случае, эти комбинации или сочетания совершаются в среде, не подлежащей внешним чувствам; следовательно, они – не предмет естествознания, и необходимость, насколько она применяется к психическим условиям и результатам, не есть физическая, реальная, а психическая. Наконец, необходимость, как ее понимают естественные науки, совсем не имеет того безусловного характера, какой придает ей материализм, и это обстоятельство служит лучшим доказательством тому, как непрочно и призрачна его близость с естественными и вообще с положительными науками. Последние нигде и никогда не предрешают необходимости, не ставят ее принципом, который во что бы то ни стало должен определять взаимные отношения

двух данных явлений, а выводят из наблюдений и опытов; где ее видят, там и признают, а где не находят, там и не говорят о ней. Так ли поступают материалисты? Психическая свобода составляет глубочайшее верование человеческого рода и вдобавок, как мы видели, не противоречит необходимости в реальном мире. Но материализм, несмотря ни на что, отвергает ее, следовательно, берет свои аргументы не из положительного знания, и говорит о необходимости не как о результате индукции, а как о философском принципе, по которому строит и выкраивает мир явлений а priori, по образцу столь им презируемого идеализма.

Еще одно замечание. Прежде наивно воображали, что всякое явление есть результат действия, с одной стороны, и страдательного, пассивного восприятия этого действия – с другой. Материя – одна из отвлеченностей, не существующих и реальном мире – считалась вполне страдательной, пассивной. По-видимому, так представляет себе материализм действие внешних впечатлений и физических ощущений на душу, потому что она выходит у него чем-то бездеятельным, только воспринимающим, страдательным, листом белой бумаги, на котором можно написать что угодно. Из такого представления родился в голове Кондильяка образ куклы, которая под влиянием внешних впечатлений и физических ощущений превращается мало-помалу в чувствующего и мыслящего человека. Но такой взгляд, как никуда непригодный, давно брошен и естественными науками, и философией. Положительная наука потому совершенно отказалась от таких средневековых, схоластических представлений, что не только в органическом, но и в неорганическом мире нет предмета, который бы, тем или другим образом, не обнаруживал реакции против влияний и действий окружающей среды и, следовательно, не имел своего рода самобытности. Камень – и тот имеет упругость и в нем частицы крепко держатся вместе. Об органических существах и говорить нечего: в них происходят своеобразные внутренние процессы, которыми вырабатываются продукты особого рода. Неоживленной, безусловно пассивной материи нет в мире. А если реакция против действия и влияния есть во всем существующем, то она должна быть и в психической среде. Выражаясь точнее, мы скажем, что каждое

действие и влияние не переходит механически на другой предмет, а только вызывает в нем самодеятельность, которая и обнаруживается в замечаемых в нем переменах вследствие посторонних на него действий и влияний. Если материализм не приходит к тому же взгляду относительно психических явлений, то мы в праве заключить, что он остается при прежних взглядах на необходимость и ближе к средневековой науке, чем к современному, положительному естествознанию. По какому же странному недоразумению мы клеветаем на естественные науки? Их точный метод, примененный прямо и просто к психическим явлениям, должен привести нас к результатам, очень близким к тому, на чем так упорно настаивает общее сознание.

Непоследовательность материализма, его отсталые приемы, его привычка принимать гипотезы за доказанные научные истины обличают его происхождение и почву, на которой он вырос. Он – запоздалый, одряхлевший, непомнящий родства потомок схоластики. Идеализм, один из терминов безсловного средневекового дуализма, исчез с лица земли на нашей памяти; другой, уже потерявший всякий смысл, продолжает еще влачить существование; но и его дни сочтены. Положительные науки подkopали мало-помалу все основания, на которых материализм еще кое-как держался, и непрочный, обманчивый союз его с естествознанием только ускорит его падение. Поле для научного, фактического исследования психической жизни и ее явлений с каждым годом более и более очищается. Теперь наука, кажется, может уже, не смущаясь никакими предвзятыми взглядами, начать серьезно свое дело, с всегдашним своим неллицеприятием.

Вот результаты, к которым приводит рассмотрение господствующих в наше время воззрений на психическую жизнь и ее явления. Существованием рядом с физическим, реальным миром особой психической

жизни и свободы в человеке единство мироздания нисколько не нарушается. Неудачные попытки выводить внешнюю природу из психических начал и психическую жизнь из физиологических данных объясняются обстоятельствами, условиями и состоянием наук в Средние века; в наше же время они являются анахронизмом и должны уступить место положительным, точным исследованиям психических явлений и фактов при помощи точного индуктивного метода. Старые воззрения, продолжающие бесконечные и неразрешимые споры, должны быть отложены и забыты. Из прежних споров наука, на первый раз, извлечет только вопросы, подлежащие разработке, и критически обследованные факты. Где фактов нет, там и будет предел науки; где из фактов нельзя сделать никакого вывода, там она просто сознается в своем незнании, не дополняя его фантазиями. Только таким образом может быть, наконец, мало-помалу распутан чудовищный клубок правды и лжи, свитый из старых и новых споров и недоразумений так крепко, что мы, думая над ними, почти потеряли здравый смысл. Величайшие умственные и нравственные интересы страдают от такой путаницы.

Постараемся путем осторожных наблюдений определить строение души, насколько оно выражается в фактах, а также условия и законы психической жизни, оставляя совершенно в стороне заносчивый вопрос о том, что такое душа и откуда она. Будем в этом следовать примеру естественных наук, которые, отдавшись исключительно исследованию явлений, не задаются вопросом, что такое природа и откуда она. Они вполне правы: кроме догадок, которых нельзя доказать научным путем, невозможно ничего придумать в разрешение подобных вопросов.

Текст приведен в соответствие с современной орфографией
А. А. Федоровым